

К источникам пушкинской темы *милость — правосудие* («восточная» повесть Ф. В. Булгарина)

1. Весной 1822 г. в «Библиотеке для чтения» (непериодическом издании, выходившем в качестве приложения к журналу «Сын отечества и Северный архив») была опубликована притча Ф. В. Булгарина «Милость и правосудие», снабженная подзаголовком — «восточная повесть»¹ и эпиграфом — парафразой из Гёте: «Sobald Gerechtigkeit sein wird, wird Friede sein und Glück» («Где правосудие, там мир и счастье»)². Сюжет этой притчи (вопрос о ее возможном инолитературном источнике оставляем здесь в стороне) может быть изложен следующим образом.

У ворот Багдада встречаются Гассан и Галеб, сыновья бассорских эмиров; некогда знавшие друг друга «в богатстве и счастья», сейчас оба они покрыты рубищами. Из их разговора выясняется, что отец Гассана стал жертвой клеветы: обвиненный вероломным пашой «в участии с мятежными Омиядами, врагами царствующего дома Аббасидов», он был заключен в темницу и потерял все свое состояние. Отнюдь не ропща на поверившего доносчику халифа Альмамуна («ибо что значит мудрость одного человека противу ухищрений злобы и зависти?»), Гассан направляется в Багдад к своему повелителю: «по данному Магометом праву для всех мусульман — *иду требовать правосудия*». Участь же Галеба, по его собственному признанию, «не столь достойна сожаления». Жадный до славы и наслаждений, он привел свои дела в разорение и теперь решился испытать последнее средство: «сокрыв самолюбие, необузданность, презрение ко всему роду человеческому — главные черты моего характера — *иду в Багдад искать милости*».

Трижды являлся Гассан к визирю Юсуфу, отправлявшему в халифате правосудие, и наконец ему было отказано в пересмотре дела. Между тем каждый раз встречал он Галеба, который цветистой лестью и отсутствием докучных просьб настолько приглянулся визирю, что получил должность его секретаря. Уже в новом своем ка-

честве Галев отверг прежнее знакомство, когда потрясенный Гассан принес составленную «в самых сильных выражениях» жалобу на несправедливое решение, а через несколько дней возмутитель спокойствия был выслан из Багдада. За городскими воротами происходит последняя встреча героев, во время которой Галев, разъясняя причину такого оборота дел, повторяет свою формулу: «я искал милости, а ты требовал правосудия». Вслед за тем Гассану является мудрый старец («улема»), убеждающий его не предаваться отчаянию, «встречая тернии на пути жизни»: «Представь себе живо Промысл, непрестающий пещись о сохранении всего существующего и часто производящий добро из самого зла. Наконец, сын мой, утешься, вспомнив, что в жизни есть много прекрасно и без счастья!..»³.

Вполне вероятно, что Пушкину был известен этот текст: но не по журнальной публикации (в Кишиневе и Одессе он не мог следить за выпусками «Библиотеки для чтения»), а по книжному переизданию. Интересующая нас «восточная повесть» была включена в состав второго тома «Сочинений» Булгарина, вышедшего в начале 1827 г.⁴, — накануне возвращения Пушкина в Петербург (24 мая) и незадолго до их личного знакомства, которое осенью-зимой 1827 г. закрепилось в достаточно откровенных литературных беседах⁵. Тема же, вынесенная в заглавие болгаринской притчи 1822 г., приобрела в этот момент отчетливые политические коннотации: именно по соотношению *правосудия* и *милости* различались характеристики нового государя. Практически все меры, предпринятые Николаем I в начальные годы своего царствования (в том числе, разумеется, и репрессии против людей 14 декабря), оценивались общественным мнением под знаком восстановления «совершенно ослабшей силы законов», и оттого, согласно доминировавшему мнению, его правосудное правление должно было быть «слишком грозным» — «Justice et terreur ensemble!»⁶. Противный взгляд выражен в пушкинской «хвале свободной» Николаю I (послание «Друзьям»; начало 1828 г.), где «милость» квалифицируется как «державное право», т. е. как одна из неотъемлемых царских прерогатив, осуществление которой сообщает необходимый, хотя и не показательный баланс властной практике («Тому, кого карает явно, / Он втайне милости творит»).

2. Для «восточной повести», сложившейся в европейских литературах под влиянием французского перевода арабских сказок «1001 ночи» (1704–1717), одним из центральных был мотив *перодеотого халифа*: растворяясь в толпе или путешествуя инкогнито,

мудрый правитель получает независимую информацию о положении дел в своих владениях и восстанавливает нарушенную справедливость. Уже в начале XIX в. этот мотив, травестированный в рамках самой «восточной повести» («Кайб» И. А. Крылова) и многократно эксплуатируемый «достоверными повестями» о монархах эпох Просвещения⁷, воспринимался в ряду «бродячих», наиболее олитературенных (ср. в «Анджело»: «Скрывался он в толпе, все видел, наблюдал / <...> / Воображение живое Дук имел; / Романы он любил и, может быть, хотел / Халифу подражать Гаруну Аль-Рашиду»). Аура этого мотива введена и в болгаринскую притчу (ее действие отнесено ко временам халифа Аль-Мамуна, внука Гаруна Аль-Рашида⁸), весь ход повествования которой как бы ориентирует читателя на развязку в духе устойчивого клише — несчастный изгнанник встречает не улему, но халифа, втайне следившего за его перипетиями (и тем самым проверявшего честность своего визиря): Гассан и его семья вознаграждены, визирь Юсуф наказан, Галев разоблачен. Однако сюжетное напряжение разрешается неожиданным образом. Уязвленным оказывается Гассан, тщетно апеллирующий к *правосудию* и здравому смыслу, а торжествует Галев, понимающий *милость* как незаслуженный дар, вытекающий из самой природы неограниченной власти. Столь четкое и не утешительное противопоставление этих понятий лишь отчасти смягчается в финале, где Гассан выслушивает рассуждения улемы о предусмотренном круговороте добра и зла в мировом распорядке. (Весьма любопытно, что в этих нравоучениях, прямо или опосредованно восходящих к философским — и тоже «восточным» — повестям Вольтера «Задиг» и «Мемнон»⁹, место итоговой апофегмы занимает одно из любимых изречений Жуковского, рефреном проходящее через его дружескую эпистолярию 1810–1820-х гг. Сейчас, впрочем, гораздо легче констатировать, что заключительная фраза «Милости и правосудия» есть почти дословная цитата из письма Жуковского А. И. Тургеневу от 4 августа 1815 г.: «На свете есть много прекрасного и без счастья»¹⁰, — нежели установить конкретный источник осведомленности Булгарина.)

Рефлекс «восточной повести» Булгарина обнаруживается в «Капитанской дочке». Дважды декларируемая установка Галеба текстуально совпадает с репликой Маши Мироновой на участливый вопрос незнакомой дамы: «— Вы сирота: вероятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду? — Никак нет-с. *Я приехала просить милости, а не правосудия*» (глава XIV; курсив наш. — А. О.). Это заимствование высвечивает стратегическую интуицию невесты Гринева — будучи уверена в его невинности, она хлопочет не об оправдании, но

о прощении. И ее понимание языка отношений с властью было вознаграждено вдвойне. Не вникая в суть дела (недолгий промежуток, разделявший встречу в саду и аудиенцию во дворце, не давал для этого никакой возможности), императрица не только помиловала Гринева, но и облекла свою милость в ту форму, которой удовлетворялась или обманывалась дворянская честь: «Дело ваше кончено. Я убеждена в невинности вашего жениха» (там же)¹¹.

Примечания

- 1 О литературной традиции, к которой отсылает этот подзаголовок, см.: *Dufrenoy M.-L. L'Orient Romanesque en France (1704–1789)*. Montréal. 1946. Т. I. *Étude d'histoire et de critique littéraires*; 1947. Т. II. *Bibliographie générale*; Amsterdam. 1975. Т. III. *L' Idée de Progrès à l'Orient*; а также: *Кубачева В. Н.* «Восточная» повесть в русской литературе XVIII — начала XIX века // XVIII век. Л., 1962. Сб. 5. С. 295–315.
- 2 О. Ронен указал нам на ближайшую параллель — «*Gerechtigkeit und Friede küssen sich, o Glück!*» («Мир с правосудием целуются, о счастье!»; из Пролога при открытии Веймарского театра, 1807).
- 3 Библиотека для чтения, составленная из повестей, анекдотов и других произведений изящной словесности. СПб., 1822. Кн. 3. С. 3–14. (Цензурное разрешение — 2 мая 1822 г.) В цитатах курсив автора.
- 4 См.: Сочинения Фаддея Булгарина. СПб., 1827. Т. 2. Ч. IV. С. 38–51. (Цензурное разрешение — 1 января 1827 г.).
- 5 См.: *Вацуро В. Э.* «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 112, 122.
- 6 *Модзалевский Б. Л.* Донесение тайного агента о настроении умов в Петербурге после казни декабристов // *Декабристы: Неизд. материалы и статьи* / Под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. М., 1925. С. 41, 39.
- 7 См. в частности: *Никанорова Е. К.* Мотив «неузнанного императора» в историко-беллетристических произведениях конца XVIII — начала XIX вв. // *Роль традиции в литературной жизни эпохи: сюжеты и мотивы*. Новосибирск. 1995. С. 39–52.
- 8 В знаменитом «Опыте о нравах и духе народов» («*Essai sur les mœurs*») Вольтер, особенно отметив ученость и гуманность Гаруна Аль-Рашида *Справедливого*, аттестовал его внука также как просвещенного правителя (см.: *Oeuvres de Voltaire*. Paris. 1829. Т. XV. P. 333, 496). Для русской традиции особенный интерес представляет статья Гоголя «Ал-Мамун» («Арабески»).
- 9 Учитывая наличие эпиграфа из Гете, здесь возможно предположить и парафразу автохарактеристики Мефистофеля: «*Ein Teil von jener*

Kraft, Die stets das Böse will und stets das Gute schafft» (в переводе Н. Холодковского: «Часть вечной силы я, Всегда желавшей зла, творившей лишь благо»).

- 10 Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895. С. 151. Ср. позднейшую рефлексию адресата в связи с женитьбой старинного друга: «Он часто говаривал: „в жизни много прекрасного и без счастья“, теперь узнает его лицом к лицу» (Письма Александра Тургенева Булгаковым. М., 1939. С. 238). О других вариациях этого высказывания см.: *Осват А. Л.* Жуковский в биографии Тютчева // Четвертые Тыняновские Чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига. 1988. С. 15–16.
- 11 Сказанное хотелось бы рассматривать и как реплику к дискуссии между Ю. М. Лотманом, заключившим, что в пушкинском романе есть противопоставление «милости» и «правосудия» (см.: *Лотман Ю. М.* Идеиная структура «Капитанской дочки» // Пушкинский сборник. Псков. 1962. С. 15–16), и В. Э. Вацуро, полагающим, что эти понятия у Пушкина не противопоставлены, но сопоставлены и интегрированы в третьем — «правова» (см.: *Вацуро В. Э.* Из историко-литературного комментария к стихотворениям Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. XII. С. 318–319).

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ПОЛУТРОПОН

к 70-летию
Владимира
Николаевича
Топорова

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 1998